

ЕКАТЕРИНА ГОРБУНОВА

Полутный
ветер

Екатерина Анатольевна Горбунова

Попутный ветер

**Серия «Сказки Имперских
дорог», книга 1**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60548176

SelfPub; 2025

Аннотация

Ветряные пути Империи – это больше, чем просто дорога для путешественников. Здесь каждый ищет своё: кто-то бежит от прошлого, кто-то стремится найти будущее. И скромному служащему транспортной компании Олафу и загадочной Летте, случайно оказавшейся на ветряной станции, есть что скрывать. Но судьба сводит их вместе, и теперь им предстоит отправиться в захватывающее путешествие, полное приключений и испытаний.

Данное электронное издание включает сборник сказок, который глубже погружает читателя в атмосферу мира Империи.

Содержание

День первый. Когда спешишь	4
День второй. Привал с душком	48
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Екатерина Горбунова

Попутный ветер

День первый. Когда спешишь

Олафа вырвал из зыбкого предутреннего сна какой-то особенно громкий сигнал ветродуя. Позёвывая и ёжась, молодой человек вскочил с лежанки, пригладил пятерней непослушные русые волосы, проворно накинул на себя куртку и выбежал из дома. Если пассажира встретить и препроводить побыстрее, то после, глядишь, удастся вздремнуть ещё.

В несколько прыжков Олаф пересёк дворик, подскочил к разделительной арке и резко перевёл рычаги, встроенные в неглубокую нишу, в положение принятия. В тот же миг из густого тумана в центре ветропарата¹ соткался кокон, через изменчивую поверхность которого постепенно проступил человеческий силуэт. Прибытие всегда было удивительно. Ради него Олаф и терпел неудобства вроде прерванного сна и сезонной сырости, пропитывающей одежду тяжёлой влагой.

Девушка, шагнувшая из тягучего молочного тумана, держалась скованно и показалась Олафу некрасивой. Быстрым взглядом он выхватил и бледную кожу, и широко расставленные чуть раскосые глаза в обрамлении белесых ресниц,

¹ аппарат для путешествий по землям Империи

и бесцветные брови, и бескровные губы. Цвета волос юноша не разглядел – их скрывал мягкий капюшон, низко опущенный на лоб. Не к лицу прибывшей был и дорожный плащ цвета старого кирпича. Он казался вещью, купленной второпях, без особой примерки, приблизительно подошёл по размеру и ладно. И веяло от незнакомки страхом, беспокойством и чуть-чуть любопытством, маслянисто и пряно. Впрочем, довольно предсказуемый набор ароматов для путешественницы ветром.

– Первый раз перемещаетесь на ветропарате? – поинтересовался юноша, больше для того, чтобы начать разговор, и протянул ей руку, помогая перебраться через огромную лужу, разлившуюся после ночного дождя прямо перед аркой.

– Первый, – с легкой запинкой, ответила девушка, – вообще путешествую.

Она зябко поёжилась, отчего Олаф сразу понял: южанка – даром, что цвет кожи слишком светлый.

– О-о-о! – юноша покачал головой. – Тогда можно было выбрать способ попроще. Те же мулы, например.

– Когда спешишь, выбирать не приходится. У меня осталась всего неделя, вот я и... – тут незнакомка прервалась и с сожалением оглядела безнадежно испачканный подол.

Зачем-то отстегнула поясной кошель и высыпала на ладонь мелочь. Олаф прикинул, что монет было не больше сигмента², а то и меньше, путешественница либо изрядно поис-

² основная денежная единица Империи

тратилась, либо изначально взяла с собой немного. Всех денег хватило бы на порядочный завтрак, лёгкий ужин или довольно скудный обед. А для того, чтобы приобрести новую одежду не хватило бы и подавно.

Похоже, девушку подсчитанная сумма порядком разочаровала. От её сожаления веяло морским бризом, но не тем свежим, что несёт радость после жаркого дня, а влажным и тяжёлым. Незнакомка убрала монеты, ещё раз оценила свой наряд и смущённо попросила:

– Вы проводите меня к мэру?

– К мэру? – просьба была более чем неожиданной, парень приподнял брови и потеревил себя за кончик носа.

Обычно путешественники без лишних слов протягивали свою путевую карту, в редких случаях могли попросить стакан воды, или что-нибудь перекусить. Девушка же более чем удивляла.

Она, видимо, неправильно поняла мимику и интонацию юноши, как-то вся подобралась, стала трогательно-серьёзной:

– Да, – кивнула решительно. – Мне всё равно не во что переодеться. Как видите, при мне нет багажа. Средств осталось меньше, чем хотелось бы. А откладывать визит...

– Ну, его придётся отложить в любом случае, – перебил парень, разговор принимал какой-то странный оборот. – Вы пока не добрались до конечной станции, понимаете? Вас разве не проинструктировали?

Олафу оставалось только надеяться, что у незнакомки все в порядке с головой. Он не знал, возможно ли сойти с ума, путешествуя на ветропарате. По крайней мере, с безумцами за время работы юноша дела не имел.

– Так мэра нет в городе? – если бы Олаф не чувствовал запах её эмоций, он никогда бы не понял, как сильно она огорчилась – так хорошо незнакомка скрыла свое разочарование.

– Мэра вообще здесь не предполагается, – юноша вздохнул, немного склонив голову набок. – Потому что это не город.

Налицо ошибка отправителя, что в иных случаях все-таки происходило: незадачливую путешественницу либо отправили в другую сторону, либо ввели в заблуждение относительно конечного пункта маршрута. В любом случае, ответственность лежала на компании ветряных перевозок. Правда, гораздо чаще пассажиры срывали разочарование на встречающем проводнике и списывали на него своё неудавшееся путешествие.

– Как это? – вот и девушка гордо вскинула подбородок.

Сейчас, как и прочие пострадавшие, начнёт жалеть об уплаченных деньгах и ругать зверские тарифы. Потом потребует немедленной компенсации.

Но незнакомка удивила: без лишних слов достала путевую карту. Дешёвенькую, серую и уже изрядно помятую, прямо кричащую о том, что девушка воспользовалась довольно сомнительной конторой по организации путешествий, хотя на-

верняка заплатила втридорога.

– Юго-западный ветер, отклонение на три луча, расстояние на восемь чихов, – прочла ровным голосом. – Я миновала четыре проездные станции, эта последняя.

Олаф забрал карту. Сначала присмотрелся к печати, которая, слава Жизнеродящей, оказалась настоящей, что что в случае суда хотя бы гарантировало явку ответчика. Все остальное – чернила, маршрут, прописанные транспортные обязательства – оставляли желать лучшего.

– Ну, вот и чихнули, – со вздохом складывая карту и возвращая её путешественнице, пробормотал юноша. – Вам, вижу, нужно было попасть в Темьгород? И именно он был конечной станцией вашего маршрута?

Девушка кивнула, недоуменно хмуря бесцветные бровки. Теперь её растерянность пахла чадом отсыревших дров. Незнакомка не истерила и не капризничала, терпеливо ждала, пока ей всё объяснят.

Олаф смутился, не зная, как вести себя с той, кто даст фору по выдержке любому опытному путешественнику. Осталось только хмыкнуть сочувственно:

– Руки бы оторвать этому картографу, – и пояснить: – Отклонение не больше чем на два луча, да и расстояние на пару-тройку чихов дальше. Эта ошибка увела вас в сторону от Темьгорода. Вы могли попасть в него через Мышиный Холм, напрямую. Или даже, пусть через меня, но проложив дополнительную станцию.

Страница ещё больше побледнела, хотя казалось, что с её цветом кожи это уже невозможно. Теперь она стала не бледной, а снежной, просто не верилось, что у неё внутри по жилам бежит тёплая кровь и бьётся сердце. Но ведь юноша недавно держал незнакомку за руку, и тонкие пальчики были тёплыми.

– А сколько будет стоить проложить дополнительный маршрут? Вы видели, я весьма стеснена в средствах...

Ему было жаль лишать девушку надежды, но помочь Олаф ничем не мог. У него не было ни надлежащей аппаратуры, ни умения, ни опыта. Всё, что входило в функции его станции – это считывать предоставленные путешественниками путевые карты. Юноша – лишь встречающий проводник, мелкая сошка.

– Я сожалею, – он развёл руками. – Компания ветряных перевозок приносит вам, госпожа, э-эээ...

– Летта Валенса, – правильно истолковала она запинку.

– Госпожа Летта Валенса, извинения за доставленные неудобства. Мы гарантируем, что постараемся связаться с отправителем, а до решения вашей проблемы берём все расходы на проживание за наш счёт, – юноша бесстрастно произнёс заученную формулировку, уже мысленно прикидывая, сколько ему лично придётся потратить собственных денег, пока незадачливая путешественница будет находиться на станции.

– А что может сделать отправитель? – она уже почти от-

чаялась, но вот именно это "почти" добавляло в её эмоциях к землистому тяжёлому запаху лёгкий аромат первоцвета.

– Вернёт вам деньги, плюс – проценты за некачественное исполнение обязательств, – объяснил Олаф. – И пришлёт транспортную карту обратно, уже абсолютно бесплатно.

– Это меня не устраивает, – девушка замотала головой, так, что капюшон слетел с головы, обнажив густые волосы неожиданно насыщенного тёмно – каштанового цвета. – Возвращаться в мои планы не входит. Мне надо как можно скорее увидеть мэра Темьгорода.

– Вернувшись домой, закажете новый маршрут, уже скорректированный. Заодно переоденетесь, если вас смущает платье. И доберётесь до этого мэра, – объяснил молодой человек. – Много времени это не займёт.

– Домой? – переспросила она с лёгким ужасом. – Нет! Отсюда ведь не так уж далеко до Темьгорода? Я готова воспользоваться любым предложенным вами транспортом. В оплату можете взять компенсацию, что мне причитается. Понимаю, что это будет не сразу, но...

Олаф глубоко вздохнул, буквально носом чуя грядущие возмущения. Потом развёл руки и обернулся по сторонам, как бы предлагая последовать его примеру. Уже рассвело, и даже утренний туман не мешал, как следует рассмотреть окрестности.

Летта Валенса огляделась. Запах воскресающей после долгого сна весны сменился холодным ароматом разочаро-

вания. Что она могла увидеть, кроме разбитой дороги прямо за редкой изгородью, кроме бескрайнего поля, когда-то давно засеянное неприхотливой кислицей, заглушившей своим бурным ростом остальные травы; кроме закрывающих горизонт синих гор с розовыми вершинами и неприглядной сторожки Олафа, которую он за два года все ещё не привёл в порядок? Ужасная картина для госпожи в грязном, но, всё же, дорогом платье. И ей не объяснишь, что это место юноша не променяет ни на одно другое в Империи, будь оно хоть в тысячу раз более благоустроенным и облагоустроенным.

– У вас нет повозки?

Вместо ответа он вновь развёл руками, словно предлагая ещё раз оглядеть маленький дворик, где даже принимающая арка притулилась скромно в стороне, не облагоустроенная для уюта ни беседкой, ни скамьёй, ни дорожкой, выложенной каменными плитками. Впрочем, Летта Валенса путешествовала впервые, а те станции, которые она миновала по пути сюда, вряд ли выглядели богаче.

– Нет ни лошади, ни мула, ни осла, ни молуха, наконец? – все ещё до конца не веря своим глазам, спросила девушка.

– Нет. Ни мохнонога, ни ползуна, ни прочих ездовых тварей, – Олаф не стал перечислять всех, кого знал, а познания его были весьма обширными.

– А сообщение с внешним миром?

– Ветер и ветряк.

Она прерывисто вздохнула. Аура её запаха не изменилась.

А вот подбородок и губы предательски задрожали. Кажется, собирается заплакать? Олаф нахмурился, размышляя, как тяжело порой иметь дело с женщинами.

Однако девушка справилась с эмоциями. Юноше даже стало любопытно, в каких таких краях и условиях воспитывался подобный характер.

– Но вы же, наверное, бываете где-то? На ярмарке, например? – спросила она осипшим голосом.

– У меня есть небольшой огород за домом, на пропитание хватает. Всем остальным меня снабжает компания ветряных перевозок, раз в сезон, как положено. Просто необходимости нет где-то бывать, – проводник и сам не подозревал, что так вот, в нескольких фразах может обрисовать свою жизнь.

– А по этой дороге, – Летта мотнула головой, – куда-то же можно добраться?

– Можно, – подтвердил Олаф. – Но она в ужасном состоянии, и по ней уже почти никто не ходит, только сезонные рабочие, да ещё разного рода бродяги.

Девушка, уже совершенно не беспокоясь о платье, подошла к изгороди и тоскливо посмотрела вдаль. Юноша услышал полувздох:

– Я пропала!

Повеяло такой обречённостью, что защипало в носу и захотелось прокашляться. За два года работы проводником, Олаф ещё ни разу не сталкивался с такими мощными чистыми эмоциями. Клиенты, конечно, попадались всякие, могли

и поскандалить. Порой дело доходило даже до лёгкого рукоприкладства. Но их чувства являлись игрой. Путешественники были уверены, что за недостатки сервиса им воздастся с лихвой, и в накладе они не останутся. Некоторые даже специально затевали ссору, чтобы подпитаться чужими эмоциями. Кто такой – встречающий проводник – случайный имперец, встреченный на пути, не заслуживающий уважения и симпатии.

Но теперь всё было иначе, по-настоящему. Летта Валенса казалась разбитой шхуной, прибитой к случайному берегу. Волосы незадачливой путешественницы развевал ветер. Будто змеи, они скользили по спине, шее, пока она привычным движением не собрала их и не заколола невесть откуда взявшейся шпилькой. В девушке произошёл какой-то перелом. Пахло стойкостью. Хотя она сама ещё до конца не понимала, в её душе зародилось какое-то решение.

– Пройдите в дом, – запоздало пригласил юноша, едва вырвавшись из плена чужих эмоций. – У меня найдётся, во что переодеться и подобающий завтрак.

– А вы знаете, что мне подобает? – девушка вдруг устало опустила плечи и ссутулилась. Грустная улыбка её была полна сомнений.

Но все же Летта приняла приглашение и, в последний раз окинув горы, расцвеченные светом нового дня, миновала дворик и вошла в дом.

Согласно традиции, сначала поклонилась каменной фи-

гурке Жизнеродящей, застывшей в переднем углу, и только потом сняла плащ и повесила его на стенной крючок.

Внутри домика было чисто и просторно. Стены отделаны светлым деревом, вещей мало, но все в одном общем деревенском стиле, наверное, закупщики не стали изощряться, приобрели все на сельской ярмарке. На окнах висели лёгкие занавески неяркого рисунка. Никакой роскоши, но и до неопрятной нищеты далеко. Даже незаправленная постель не портила впечатления, тем более, проследив за взглядом госты, юноша одним движением накрыл смятую простыню и подушку узорным домотканым покрывалом.

Девушка немного расслабилась, и от неё повеяло лёгким сладковатым ароматом домашней выпечки. Видимо, дом встречающего проводника оказался менее ужасным, нежели она ожидала.

– Умываться там, – Олаф приоткрыл дверь в смежное помещение. – На полках найдёте все необходимое и смену одежды. Грязную оставьте в тазу, мыльники о ней позаботятся.

Летта поблагодарила и ушла. Юноша же, ненадолго отлучившись из дома, чтобы сообщить о неверной карте в центральную контору путешествий по Империи, вернулся и принялся накрывать на стол. Щедро нарезал пышного хлеба, поставил разварившуюся с ночи кашу. Вытащил миску варенья из межнинки, хорошо уродившейся в этом сезоне. И налил густого, испускающего дымок воловка. Гости у Ола-

фа бывали редко, но посуды – любой расцветки и качества – ждущей своего часа в большом шкафу, хватило бы на целую ораву. Юноша выбрал тарелки понаряднее и побогаче. Хотелось порадовать незадачливую путешественницу хотя бы такой малостью.

Она появилась, когда Олаф раскладывал приборы. Влажные волосы девушка стянула хвостом на затылке. Несвежее дорожное платье сменила на то, что приблизительно подошло по размеру: свободного края рубаху и немного волочащиеся по полу штаны. В этой одежде она казалась совсем юной и незащищённой, как отставший от родителей ребёнок.

Летта медленно присела на край ближайшего к ней стула. Глоток воды освежил девушку. Ушло напряжение, прибавилось решимости, хотя, казалось бы, откуда ей взяться?

– Я отправил ветрограмму в контору, которой вы воспользовались, – оповестил юноша. – При попутном ветре мы получим ответ в течение трёх дней, – он не смог скрыть лёгкий сарказм.

– Так долго?

– Увы. Пока сообщение об ошибке обойдёт все возможные инстанции, – Олаф развёл руками. – Три дня – минимально возможный, прописанный в регламенте срок.

– А максимальный?

– Неделя.

– Понимаю, – Летта мотнула головой. – Как ваше имя? – она подняла на юношу глаза. При ярком свете они оказались

цвета болотного мха, подёрнутого инеем.

– Извините, давно надо было представиться. Олаф, встречающий проводник, – он покраснел, внезапно смутившись.

Никого прежде не волновало, как зовут человека, работающего на маленькой промежуточной станции. Даже если он предлагал перекусить, занимал и развлекал во время вынужденного ожидания.

– Олаф, встречающий проводник, – повторила она, вновь опустив глаза, задумчиво наломала в свою тарелку кусок хлеба и залила крошево воловком. – Я благодарю вас за помощь.

– Это входит в мои обязанности, – его ответ прозвучал, может быть, и сухо, но лишь оттого, что юноше стало невыразимо стыдно, а испытывать чувства к клиенту – не слишком хороший тон.

Компания ветряных перевозок славилась ровным отношением ко всем путешественникам, вне зависимости от их материальных или каких-то иных возможностей. Именно это в своё время привлекло Олафа: тогда он стремился оградить себя от близости с людьми. И что же? Как удалось этой случайной гостье пробить нарощую броню, взрыхлить окаменевшую почву его сердца? Он неловко опустился на стул, большими глотками осушил стакан воловка и вытер губы, едва не содрав кожу.

Ему было стыдно слышать эту похвалу. За что его благодарили? За то, что прописано в обязанностях встречающего

проводника, что исходит не от него самого, а просто предписано протоколом компании?

Будь проклята его способность: он понимал, что Летта говорит без лукавства. У лжи был бы раздражающий запах папки, а от гостьи веяло ароматом размятых в ладони колосьев.

Тем временем девушка уже подобрала ложкой последние капли:

– Добрая еда, – похвалила она искренне.

– Это все удачный сезон, – смущённо объяснил Олаф. – Тепло, днём сухо, а по ночам дождь, вот пашцы с удобряйками и потрудились на славу. Поэтому урожай большой. Мне и делать-то почти ничего не надо. Собрал, помыл, приготовил. Как и с вами, – но последнюю фразу вслух он не произнёс, только про себя, мысленно.

Он замолчал, но с удивлением понял, что мог бы говорить ещё и ещё – так внимательно она его слушала. Но, может быть, ей просто в новинку подобные разговоры? В путевой карте отправным пунктом значился один из крупнейших городов южной Империи – Златгород. Едва ли там водятся гладкокожие и большешлапые слепыши пашцы и невероятно красивые, пушистые, ласковые, большеглазые – но ужасно пахнущие – удобряйки. Если она и видела когда-нибудь этих чудесных зверей, то лишь на страницах книг. Даже плоды их труда, овощи и фрукты, она знала иными, нежели Олаф. До столичных прилавков они добирались увядшими, растеряв-

шими и свежесть, и запах земли.

Увидев, что гостья наелась, Олаф поднялся, убрать посуду и заварить чай с кислицей. Летта тем временем отвернулась к окну.

– И все-таки, куда-то же она ведёт, эта дорога? – вопрос юношу врасплох не застал, потому что девушка источала ноты отчаянной решимости, терпкие, немного резковатые.

– В Дымсело, если двигаться налево, – ответил, потеряв зачесавшийся нос, – а если направо – в Темьгород.

Комната словно наполнилась свежим и ярким ароматом надежды. Наверное, глаза Летты Валенса заблестели, а щеки заиграли лёгким румянцем – юноша не мог видеть этого со своего места.

Не хотелось её разочаровывать, но скрывать правду Олаф не мог, это было бы нечестно:

– До него примерно шесть дней пути, да и то с хорошим снаряжением, проводником и физической подготовкой. Надо быть опытным путешественником, а не домашней девочкой, которая впервые...

– Вы не понимаете! – Летта порывисто поднялась, даже стул, уже подстроившийся под её тело, чуть слышно скрипнул, возвращаясь в изначальное состояние. – Я должна хотя бы попытаться!

Она подскочила к Олафу, колдовавшему над заварником, и прикоснулась к его запястью ледяными пальцами. Парень отметил свою ошибку – внешне девушка не изменилась. Но

запахи, исходящие от девушки, становились с каждым мгновением всё гуще и насыщеннее. Она казалась настолько уверенной в своём решении, что противодействовать означало нарушить этику компании ветряных перевозок.

– До конца недели мне просто необходимо увидеть мэра Темьгорода!

– Хорошо, – согласился Олаф. – Я соберу вам провиант, подготовлю карту местности. Проводника, извините, предоставить не смогу – некого. Но знайте, в пути вас ждёт немало трудностей. Дорога малолюдна, а от капризов природы никто не застрахован.

– А вы не можете меня проводить? – в интонациях Летты появилось беспокойство.

Он прекрасно её понимал. Однажды Олафу так же пришлось забыть своё прошлое и отправиться в путь. А нехоженные тропы могут не только закалить, но и сломать.

Поэтому он покачал головой и сказал:

– Я не имею право уходить со станции. Мало ли кто прибудет транзитом. Его надо будет переправить в следующую точку, а сделать это окажется некому. Простите, но я могу потерять это место, если отправлюсь за вами, – и, стараясь не смотреть в глаза собеседнице, юноша добавил: – А оно мне дорого.

Конечно же, он солгал, но то была ложь во благо. Олаф не держался за это место, впрочем, как и за любое другое. В любой момент он мог сорваться и отправиться по дорогам

Империи. Юноша говорил так больше для того, чтобы остановить эту упрямицу, даже приблизительно не имеющую понятия, что её может ожидать в пути.

Но, видимо, остановить Летту могла только сама Жизнеродящая, а она занималась какими-то другими важными делами и даже не подозревала о замысле одной из своих дочерей.

– Транзитом? То есть – проездом? – уточнила девушка, зацепившись за одно из слов юноши. – А каким образом вы будете отправлять? Транспорта у вас нет.

– Зато будет их путевая карта, где моя станция – лишь точка проложенного специалистом маршрута. Я воспользуюсь данными и запущу ветропарат.

– Что служит препятствием для того, чтобы поступить так же в моем случае? – она пахнула недовольством, совершенно несправедливо предполагая, что парень её обманывает.

Он мог бы обидеться. Но это ему бы ничего не дало. Упрямица твёрдо решила стоять на своём. А спорить и что-то доказывать встречающему проводнику не позволяла профессиональная этика.

– Просто в вашем случае маршрут изначально проложен неверно. И эта станция – конец вашего пути, – Олаф не стал углубляться в особенности ветряных путешествий, отвечая с отстранённой вежливостью и завидным терпением.

Летта Валенса задумалась. Достала свою ветряную карту, посмотрела на непонятные крючочки и загогулины, а потом

подтолкнула её по столу к юноше.

– Наверное, вам она пригодится больше?

– Зачем?

– Вы рассказывали о какой-то компенсации.

– Мне от карты никакого прока, – он покачал головой. –

Я уже отправил описание ошибки, засвидетельствовал её. Для получения компенсации – этого довольно. Если вы хотите получить ещё что-то от вашего отправителя, придерживайте карту у себя.

Девушка пристально и невыносимо грустно посмотрела ему в глаза. Её мысли были надёжно скрыты, но от эмоций потянуло морозом, даже показалось, что ещё немного и зашипет кончик носа. Наверное, Летта представила, как пойдёт одна, без сопровождения, без надежды на помощь и доброе слово. Потом повернулась и ушла в купальню.

Собирая в удобную заплечную сумку провизию в дорогу, Олаф размышлял о случившемся. Надо признать, все обошлось наилучшим образом. Он не понёс особых затрат, гостя пробыла у него не больше пары часов, и, можно сказать, просто составила компанию за завтраком. Опекать ее и дальше инструкция не требовала.

Другой путешественник, окажись он на месте девушки, мог оказаться более требовательным и капризным, и постарался бы не упустить выгоду, требовал бы изысканной пищи и развлечений. Какие в этой глуши развлечения? Сбор кислицы вечером, когда она раскрывает свои цветы красно-

му закату? Любование на местных обитателей флоры и фауны? Купание в луже грязи после ночного дождя? Или чтение книг, коих накопилась небольшая библиотека? Будьте добры, выложите все и разом!

Олаф усмехнулся своим мыслям. Душу грызло неприятное чувство, которое он старательно подавлял. Каждый вправе совершать свои ошибки. Юноша сделал всё, что было в его силах, описал девушке трудности и риски предстоящего ей путешествия. Продолжать отговаривать дальше – просто невежливо. Тем более, кто он такой? Случайный встречный!

Тем временем в дверях купальни показалась Летта Валенса. Вопреки ожиданиям, она осталась в рубашке и штанах Олафа, а собственные пожитки завязала узлом и перекинула через плечо, словно мешок.

– Платье ещё слишком сырое. Могу я остаться в ваших вещах?

– Да, конечно.

– Плату за них...

– Не беспокойтесь, – перебил юноша. – Как я уже говорил, все удобства – за счёт компании.

Летта Валенса сложила своё платье в протянутую проводником заплечную сумку, накинула на себя плащ с вешалки – уж о нем пыльники позаботились на славу – и пошла к дверям. Уже у выхода она обернулась и пристально взглянула на Олафа, старательно делавшего вид, что ему все равно. Хотя почему делавшего – ему и впрямь все равно! Нянькой глу-

пым упрямицам он не нанимался!

– Мне, правда, позарез нужно в Темьгород, – еле слышно сказала девушка.

– Доброго ветра в спину! – пожелал юноша вслед.

Недовольство собой охватывало его все сильнее.

Он смотрел на путешественницу из окна до тех пор, пока она не скрылась из вида. «Что ж, в Темьгород, да ещё и пешком – сама захотела!» – подумал с досадой: «Могла бы дожидаться обратной карты, вернуться к своей семье под крылышко и забыть всю эту историю. Вспоминать потом изредка – или не вспоминать вовсе».

Следующие часа два Олаф просто промаялся. Пытался занять себя работой в огороде, написать доклад в компанию ветряных перевозок, приготовить обед. Но случайная гостья не шла у него из головы. Мысли о ней сопровождали юношу во всех делах. И ладно бы хоть красавица, ладно бы рассказала, зачем ей так позарез нужен этот мэр Темьгорода! Но нет же! Мелькнула и растаяла, как былинка на ветру. Отчего же тогда на душе так паршиво? Почему ноги неумолимо ведут к изгороди, а глаза пытаются разглядеть ту, что уже давно скрылась вдали?

В последнее время Олаф почти убедил себя, что жалеть людей не стоит. Пожалеешь одного, поможешь – другой обидится, что его обделили. Всеобщее счастье – недостижимая мечта. А тут вдруг...

Пискнул ветродуй, и юноша вернулся к работе. Занятый

своими мыслями, он впервые за все время службы действовал машинально, как если бы волшебство переноса вдруг обратилось для него в то, чем было для сотен рядовых проводников – в рутинный и довольно скучный процесс, лишенный даже ничтожного обаяния тайны.

Он даже забыл постелить мостки, чтобы посетитель не испачкался по прибытии – а такого никогда себе не позволял.

Из загустевшего на миг воздуха шагнул вперёд белобородый представительный старик. И, разумеется, тут же увяз по щиколотку: дорогие кожаные сапоги облепила маслянистая, жирная и чёрная грязь.

– Сервис, к Мракнесущему! – ругнулся громко, выбираясь на сухую дорожку.

– Дождь был, – пожал плечами Олаф. – Тёплый сезон.

– Песочком бы засыпал! – прибывший буквально вонял раздражением, и с этим резким запахом сражались острые и пряные духи.

Старик нервно вытащил дорожную карту. Дорогую, с блестящими виньетками, мерцающими точками маршрута и прочими атрибутами процветающей конторы. Наверняка, и отправляющий там сидел – не чета картографу Летты Валенса – рассчитал все и вымерил точно до ладошки, можно не сомневаться.

– У вас ещё два переноса, – предупредил Олаф, вкладывая карту в приёмник.

– Знаю, не хуже вас, – пробурчал путешественник. – Де-

лайте своё дело и помалкивайте!

Он явно нервничал, беспокойно оглядываясь по сторонам, и старался не отходить далеко от арки, только брезгливо отёр о траву испачканные сапоги и вернулся.

– Надо немного подождать, – сказал Олаф и мысленно поблагодарил Жизнеродящую за то, что с картой у этого типа все в порядке.

Если бы на месте Летты Валенса оказался этот белобородый, проводнику пришлось бы не сладко: тысячи проклятий, гром на голову и пожизненное рабство, в лучшем случае.

– Мракнесущий! – недовольно кривясь, старик достал большой платок и вытер пот со лба и шеи. – Каждый миг, что я здесь торчу, может стать для меня последним!

– Почему это? – поинтересовался Олаф, попутно выставив мостки через лужу. Теперь грубиян мог вернуться под свод арки, не запачкав ног.

– Как будто вы не знаете! – путешественник становился все несноснее, перетаптываясь в ветропарате.

– Я ни о чем таком не слышал, – юноша не боялся перечить, туман уже начинал сгущаться, ещё мгновение и буяна унесёт в проплаченную им сторону, вместе с его дорогой картой и непомерным недовольством.

– В этих землях повышенный фон опасности! Пропадают люди! – и белобородый растаял, оставив после себя резкий запах своих духов и червяка сомнений в душе проводника.

Сердце Олафа неприятно бухнуло в ребра. Слюна стала

горькой и тягучей, как смола. В ушах эхом продолжала звучать фраза "повышенный фон опасности".

Не предупредили.

Не посчитали нужным сообщить.

Правильно, зачем? На территорию компании никто не су-
нется – себе дороже – шибанёт разрядом подключённых мол-
ний – мало не покажется.

А по дорогам никто не ходит. Никто. Не. Ходит.

Только изредка.

Юные решительные девушки.

Юноша, отправив ветрограмму – вынужден покинуть станцию, срочно пришлите замену – покидал на скорую руку вещи в дорожный мешок, положил на дно сто накопленных сигментов и, не в силах спокойно сидеть, вышел на улицу. Встал спиной к ограде. Тоскливо оглядел своё хозяйство. Как все сложится? Вернётся ли? Он вложил много сил и души в огород, запущенный предыдущим проводником. Тот выращивал одну выпьянку, и дегустировал её так, что не мог даже запустить ветропарат, за это и потерял место. А Олафу полюбилось возиться на земле.

Но что бесполезно стоять и жалеть? Как сможет он жить спокойно, зная, что Летте Валенса грозит опасность? Как сможет принимать клиентов, ремонтировать дом, трудиться на огороде?

Весь мир провоняет гнилью, если сейчас же он не двинется в путь.

ВетродуЙ подал сигнал прибытия.

– Мне сказали, тут непыльная работёнка, – присланный компанией сменщик вальяжно спустился с мостков и принялся оглядываться по сторонам.

– Когда как, – отозвался Олаф. Развязность сменщика сразу пришлась ему не по душе, от него несло жаждой лёгкой жизни и презрением к работе. – Через три дня придёт ответ из центральной конторы по делу Летты Валенса. Там будет исправленная карта и некоторая сумма денег. Не советую её тратить, это деньги клиента, расплачиваться потом придётся из своего кармана.

– Надолго отлучаешься? – услышав про деньги, сменщик сначала воспрянул духом, а потом потерял интерес, когда понял, что ему с них не перепадёт.

– Пока не знаю, – уклончиво ответил юноша.

– Имей ввиду, вечно я в этой дыре торчать не буду! – явившийся сплюнул под ноги.

– Запомню, – Олаф с неприязнью отметил, что молодчик пнул подбежавшего знакомиться удобряйку – тот даже обиженно взвизгнул. – Зря ты так, хорошие зверушки, знают своё дело

– Терпеть не могу этих огородников!

– Привыкай. Пригодится.

Перепрыгнул лужу, вышел за изгородь и повернул направо.

– Пропадёшь, – донеслось Олафу вслед, – искать никто не

будет!

– Знаю, – процедил тихо сквозь зубы.

Уж ему ли не знать. Это было первое место, где Олаф задержался так надолго. Именно потому, что никого не интересовало: кто он, откуда пришёл и насколько планирует задержаться. Никто тебя не знает, и знать не хочет. Ты только винтик огромной системы – компании ветряных перевозок. Платят немного, но исправно, и раз в сезон привозят продукты и одежду в счёт заработка. Жить можно. Если без претензий. Парень размышлял и шагал вперёд по подсыхающей дороге.

Солнце светило ярко и жарко. Воздух вокруг пах безлюдьем и разнотравьем. Влажные испарения поднимались едва заметной рябью. Вокруг – ни души. Зверье и то попряталось в тени.

Может, компания ошиблась насчёт повышенного уровня опасности? И белобородый волновался напрасно? Кому придёт в голову разбойничать в тех местах, где и людей-то почти не встретишь? А что пропадают... Так опасностей в дороге немало. Особенно, если идёшь пешком.

Вот горы, например, опасны и сами по себе, без недоброго люда. Обвалы, камнепады и сели – отправляют к Мрак-несущему легкомысленного путника, словно несмышлёную букашку, за несколько мгновений.

И солнце, когда его много – тоже может оказаться не лучшим спутником. Свалишься под какой-нибудь куст или в

овраг от перегрева – и пиши пропало.

Или дождь. Не обычный, мирно шлёпающий по лужам. А ливневый. Тоже вполне себе опасность.

Даже ночь. Когда звери выходят на охоту за пропитанием, а твой страх – на тебя...

Олаф надеялся догнать девушку ещё до сумерек, однако стемнело раньше, чем он ожидал. С юго-запада подул сильный ветер. Он раскатисто бил хлыстом и собирал в стадо блуждающие по небу тучи. То тут, то там полыхали разряды молний.

Юноша забеспокоился. Дорога впереди, насколько хватало взгляда, была пуста, но потянув носом воздух, он почувствовал, что Летта Валенса где-то недалеко. И в её запахе проступали нотки страха, назойливые, въедливые, отдающие плесенью. И с каждым шагом они становились все гуще.

Девушка боялась надвигающейся грозы? Или увидела опасность? Олаф прибавил шагу, уже почти бежал, страшась опоздать, зная, что потом не сможет себя простить, если случится страшное. Дыхание юноши сбивалось, хотелось дышать ртом, но тогда легко потерять след. Легкие разрывались. Сердце стучало молотом. На горячую кожу уколами сыпались капли дождя. Подобно натасканной гончей, Олаф готов был мчаться без передышки, пока Летта Валенса не остановит его своим печально-растерянным взглядом.

Когда он, наконец, заметил впереди фигуру девушки, ему стало легко и спокойно. Путешественница оказалась жива

и здорова. Может быть немного испугана приближающейся грозой. Но это уже мелочи.

– Госпожа Летта Валенса! – крикнул юноша из последних сил.

Она остановилась и оглянулась. До него долетел яблочный аромат удивления и радости.

– Вы же говорили, что не можете оставить свою станцию? – спросила Летта, когда юноша уже поравнялся с ней, с легкой осторожной улыбкой.

Задыхаясь после бега, Олаф проговорил:

– Компания ветряных перевозок компенсировала ошибку картографа. Я поспешил за вами, чтобы, – он порылся в своем мешке и вытащил собственные немного помявшиеся сигменты, – отдать деньги. Они вам ещё пригодятся.

– А как же несколько дней, о которых вы вели речь? – было видно, что девушка удивилась сумме, убирая купюры за подкладку плаща.

– Ветер был попутным, – ответил Олаф, пожимая плечами. – Повезло.

– Я даже не знаю, как вас отблагодарить! – Летта Валенса неожиданно приподнялась на цыпочки и с детской непосредственностью чмокнула юношу в щеку.

Он опешил. Да, и сама путешественница запоздало смутилась своего поступка. Отвернулась в сторону, поправляя на голове огромный капюшон.

– С детства жутко боюсь гроз, – пробормотала едва слыш-

но.

– В этих местах они не редки, – парень забрал ручную кладь девушки. – Провожу вас немного.

Летта не стала спрашивать, почему еще утром он не мог ее проводить, а сейчас вдруг захотел. Ее доверие облекло Олафа, словно защитный покров. Полузабытое ощущение, ветхий аромат раннего детства. Тёплый, надёжный, словно прогретый солнцем.

Странная барышня. Хочется оберегать ее, хотя она ни о чем не просила и ничего не делала специально. Напасть какая-то! Юноша пытливо глянул в девичьи глаза. Летта сдержанно ответила на его взгляд, а потом надвинула капюшон на лоб ещё ниже.

Олаф взял ее за руку и повёл, словно маленькую девочку.

Может, виной тому была усталость, но девушка шла, то и дело спотыкаясь о булыжники, которых из-за близости горной гряды становилось все больше. Даже не верилось, что она преодолела довольно долгий путь самостоятельно, ни на кого не полагаясь. А может быть бравада просто уступила место уверенности, что рядом тот, кто поможет и подскажет, на кого можно положиться во всем.

Темнота надвигалась. Гром гремел всё ближе и ближе. Ветер пригибал травы и редкие кустарники, росшие вдоль дороги, почти до земли, а порой скидывал с возвышенностей камни и мелкие булыжники. Дождевые капли становились чаще и крупнее. Юноша чувствовал, что волосы уже потя-

желели, напитались влагой, и непослушные пряди прилипают ко лбу.

– Может, остановимся на ночлег? – предложил он. – По темноте опасно передвигаться. Тут неподалеку в скале камнежорки выгрызли пещеру. В ней можно развести огонь, перекусить и дождаться рассвета.

– Как скажете, – ее рука опиралась всё ошутимее.

Путешественница устала, хотя ни единым словом не обмолвилась об этом. Ее усталость пахла травой в конце сезона, прелой, вызревшей и пряной. Юноше нравился этот запах. А еще больше характер Летты Валенса. Окажись на ее месте любая из его прежних знакомых, ни одна бы не упустила случая поныть и пожаловаться на жизнь.

Олаф уверенно свернул с дороги.

– Осторожнее по камням, – предупредил заботливо. – Ещё несколько шагов и будем на месте.

Вход в пещеру был завален сухим валежником. Юноша раскидал ветки, быстро заглянул внутрь – нет ли кого? – пропустил Летту Валенса, а потом нырнул и сам. За спиной тотчас хлынул ливень. Тугие струи били по камням, но намочить путешественников уже не могли. Тонкий ручеек стекал в сторону, под скалу, видимо, прокладывая себе дорогу к какому-нибудь подземному озерцу.

Внутри пещеры было сухо и просторно. Стены скрывались в полумраке, виден был лишь крошечный пятачок с довольно ровным полом и гладким потолком. Высокий Олаф

мог спокойно стоять в полный рост, не говоря уже про девушку.

– И это все кто-то прогрыз? – удивленно вспомнила Летта.

– Да, камнежорка.

– Просто удивительно! – она шагнула к стене и ощупала её. – Как отшлифованная. Ни выбоин, ни трещин!

– Камнежорки – большие умелицы, – юноша принялся собирать всё, что могло гореть – для костра.

Девушка же изучала пещеру. Ходила. Ощупывала. Рассматривала. Её любопытство щекотало ноздри Олафа так, что хотелось чихнуть. Когда же Летта обращала внимание на него, он тер нос и смущенно улыбался. Свою врожденную способность Олаф привык скрывать уже давно. Кому понравится, что кто-то, лишь немного принюхавшись, знает всё, что ты чувствуешь в данный момент – и ладно бы только явное, но ведь и тайное, сокровенное? Ему и самому это бы не понравилось. И как поведет себя Летта, если узнает? Пусть лучше думает, что он простыл.

Разгорелся костер, и в пещере сразу стало уютней. Стол заменила каменная плита, накрытая платком. Когда же на импровизированной скатерти появились фрукты, мясо, вода и хлеб, происходящее и вовсе стало походить на пикник. Олаф и Летта смутились: юноша и девушка одни в пещере – да ведь, в конце концов, они же едва знакомы! Вот почему, усевшись лицом к лицу, они избегали смотреть друг на друга прямо и лишь поглядывали временами исподтишка, быстро

и, как им казалось, незаметно.

– Скажите, встречающий проводник Олаф, – вдруг медленно произнесла девушка, – вы действительно можете потерять место, отправившись со мной? Или это была просто отговорка?

– Нельзя оставлять станцию без проводника, – честно ответил юноша. – В данный момент там временный работник. Но если меня не будет долго, на моё место назначат другого.

– А вы?

Он пожал плечами:

– Меня никто не будет искать, если я пропаду. В Империи много рабочих рук.

– Значит, утром вы вернётесь на станцию, а я продолжу путь, – заключила Летта без обиняков.

От кристально-ледяных ноток ее упрямства зачесался нос, и тоненько зазвенело в ушах. Олаф усмехнулся:

– Без работы я не останусь, в любом случае. Доедайте, и ляжем спать.

Он прекрасно понимал, что теперь вряд ли сможет оставить девушку. В его душе и без того жило чувство вины. Оно не было связано с Леттой Валенса. Вина была родом из детства и порядком мешала жить. Конечно, ничего объяснять своей спутнице Олаф не хотел: они – просто две птицы, случайно сведенные вместе ветром. Но заверить, что доведёт до Темьгорода, а потом придумает, как и где ему жить дальше – можно.

Едва Олаф открыл рот, как из глубины пещеры раздался мощный рык. Затем второй, ближе. К ним явно приближался дикий зверь: голодный, встревоженный грозой и неумолимый. До этого момента ничто не выдавало присутствия: ни обглоданные кости, ни следы лап. Хищник или отсиживался вдалеке, а теперь решил проверить, кто пожаловал в его жилище, или, скрываясь от непогоды, проник в пещеру через другой вход и теперь отстаивал своё право здесь находиться перед слабыми людишками.

Зловоние уже заполнило все вокруг, и сердце бешено заколотилось. Мышцы напряглись. В ожидании схватки в голове пронеслось: разъявленная клыкастая пасть с вываленным языком, хлещущая из ран кровь, сумасшедший взгляд, застывшие навек глаза. Олафу уже доводилось встречаться с хищниками. Не на охоте – на дорогах Империи. Несколько шрамов, скрытых под одеждой, в сырую погоду тянущей болью напоминали об этих опасных встречах.

– Отойдите к стене, – негромко скомандовал Олаф. – И постарайтесь не встречаться с хищником взглядом.

– Кто это? – Летта осталась на удивление спокойной, и внешне, и внутренне, лишь прижалась спиной к камням и широко раскрыла глаза.

– Думаю, недоед, – Олаф подбросил в костер хвороста и достал из ножен длинный обоюдоострый кинжал. – Они водятся в этих краях. Обычно в лесу, но этот, видимо, облюбовал пещеру.

Юноша оказался прав. Огромный зверь выскочил из глубин и замер, слегка наклонившись вперёд. Мощная его голова, казалось, подпирала потолок пещеры. Подслеповато шурясь, глухо зарычал, напуганный летящими во все стороны искрами. Гора мускулов и злости, довольно уверенно стоящая на задних лапах. Шерсть его лоснилась, каждый из двенадцати когтей на передних лапах превосходил длиной кинжал Олафа. Глаза хищника слезились от дыма, ноздри раздувались, из разверстой пасти капала зловонная пеннистая слюна. Недоед глухо зарычал, чувствуя добычу.

– Помните про взгляд, – повторил Олаф и поудобнее перехватил рукоять.

Зверь подступил чуть ближе. Он был молод, силен и голоден. Люди не казались ему достойными соперниками. Опасался недоед лишь огня.

Юноша прикинул расстояние до чудовища. Пробить толстую шкуру на таком расстоянии кинжалом невозможно, но и подпускать хищника к себе не стоит. Тут бы не помешало копьё, самострел, или лук со стрелами. Но их не было.

Волнение, страх, готовность к бою – Олафа настолько захватили собственные чувства, что эмоции девушки он ощущать перестал. Ведь она, наверное, должна бояться? Дрожать и надеяться на милость богини? Юноша мысленно взмолился Жизнеродящей, замахнулся и...

Услышал тонкое пение. Разумеется, пела Летта Валенса. Старательно выводя высокие звуки и меньше сосредотачи-

ваясь на низких, позволяя им просто упасть, сорваться, перейти на глубокий шёпот.

Мелодия ласкала слух. В ней слышались перелив ручья в жаркий день, пение птиц, легкий ветерок, шелестящий листьями где-то в вышине. Слов Олаф не понимал: это был не общеимперский, а совершенно незнакомый язык – но, как ни странно, смысл песни он понимал ясно. Это была колыбельная – не та, под которую укладывают спать младенцев, а иная, более глубинная что ли? Колыбельная из древних времён.

Недоед, видимо, полностью попал под воздействие песни. Сначала сел, привалившись спиной к стене, как человек после трудного дня, потом лег, по-собачьи положив голову на передние лапы, затем прикрыл глаза и захрапел.

– Спит? – Олаф не верил своим глазам.

Так не бывает. Разъяренный близостью жертвы, хищник не укладывается подле нее вздремнуть. Должно быть, все это – предсмертный бред, агония, играющая шуточки с рассудком. Должно быть, зверь все-таки достал, располосовал острыми когтями живот и выпустил внутренности.

Летта не ответила. Лёгким видением метнулась от стены и подошла к недоеду. Присела, запустила руки в густую шерсть, как будто перед ней лежал домашний питомец. Потом и вовсе улеглась на зверя, крепко прижалась всем телом, обхватила шею и зашептала свою странную колыбельную прямо в мохнатое ухо.

Время словно остановилось. Нет, юноше даже не пришло в голову, что Летта душит чудовище, у нее бы просто не хватило на это сил. Тем более, она обнимала хищника нежно, почти невесомо. Пока вдруг не оборвала мотив на звенящей ноте и, соскользнув с его спины, не отползла в сторону.

– Он заснул? – боясь признать очевидное, переспросил Олаф.

Случилось что-то непостижимое: девушка не испугалась огромного разъярённого зверя и уладила его, спев одну из самых прекрасных песен, что проводник когда-либо слышал.

– Теперь навечно, – еле слышно подтвердила опасения юноши Летта.

Она едва дышала от усталости. Грудь тяжело вздымалась и опадала. Прикрытые глаза чётко очертила синева. Кожа по цвету не отличалась от землистых стен пещеры. Казалось, девушка сама вылеплена из мертвого камня, и все её движения – только морок в неясном свете затухающего костра. В воздухе разливалась едко-кислая слабость, как после длительной болезни, когда человек только-только вынырнул из омута смерти, и жизнь лишь чудом теплится в его изнеможенном теле.

Среди разбросанных вещей Олаф нашел флягу с водой и протянул Летте. Она благодарно кивнула и сделала несколько жадных глотков. Скоро дыхание девушки стало глубже. Синева под глазами – мягче. Летта даже смогла сесть, опе-

ревшись о стену, хотя сил промокнуть каплю воды, стекающей по подбородку – по-прежнему не было. Запах усталости потихоньку растаял..

Заметив, что Летта пришла в себя, Олаф решился спросить:

– И что вы пели?

Она призналась нехотя:

– Одну из песен Мракнесущего.

– Это могло случиться... – молодой человек мотнул головой в сторону безжизненного тела, – ...и со мной?

– Под эту – нет, – Летта посмотрела на проводника и улыбнулась кончиками губ. – Но у Мракнесущего много песен, для каждого, кто вышел из чрева Жизнеродящей.

Холодок пробежал по хребту, когда Олаф ощутил прикосновение к Тайне. Он знал немало, но о песнях Мракнесущего слышал впервые. Едва ли для них существуют ноты, и с театральных подмостков этих строф уж точно не поют. Это не творчество, а оружие. Тайное знание, тщательно скрываемое Имперским Советом. Или от него.

И сразу же нахлынуло воспоминание.

Площадь, толпа, помост, глашатай, свиток с приговором – «...за неискоренимую приверженность религии, идущей вразрез с устоями Великой Империи, за отказ добровольно сотрудничать с Имперским Советом... по приговору верховного суда...».

И осуждённая – невероятно красивая женщина с кротким

мягким взглядом. У неё вырвали язык и оставили захлёбываться кровью.

Олаф вскочил, прошёлся взад-вперёд. Срочное путешествие в Темьгород. Тщательно замалчиваемая причина. Поручение Имперского Совета или бегство от него же. В любом случае, кажется, проводник вляпался во что-то нехорошее.

Он опустился перед девушкой на одно колено и склонил голову, как перед знатной особой, не узнанной по невежеству. Спросил, не поднимая глаз:

– Госпожа Летта Валенса, вы имеете какое-то отношение к Храму и темным жрицам? Или вы следуете в Темьгород по поручению Имперского Совета?

– С чего вы... – но девушка оборвала фразу.

Чувства ее заиграли разными оттенками. Там струилась солоноватая непреклонность, змеилась жженым сахаром опаска, кололась морозом обида, обжигала пряная гордость, холодила мятная рассудочность, оттеняла терпкая независимость. Несколько тягучих мгновений Летта молчала, подбородок ее вздернулся, губы сомкнулись суровой линией. Одновременно в ней воплотились и подсудимая, и судья. Потом она вздохнула и провела руками по лицу, словно избавляясь от надоевшей вуали. Запахи развеялись, спрятались в поры, словно змея под дудочку умелого заклинателя. И непонятно было, чего ждать: гнева или милости.

Тем неожиданней прозвучал тихий, смиренный голос:

– Как видите, я вполне могу справиться с опасными вра-

гами сама и в вашей помощи не нуждаюсь. Вы можете вернуться на станцию и продолжить свою работу. Считайте, что путешественница к компании ветряных перевозок претензий не имеет.

Он медленно покачал головой, переводя взгляд с серого каменного пола пещеры на Летту. Беззащитную и ранимую. Владеющую совершенным оружием, но обиженную его предположениями. Чёрная жрица не стала бы обижаться. Прислужница Имперского Совета не отпустила бы так просто. Стало легче.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– На какой из двух?

– На оба.

– Это что-то изменит?

– Ничего. Я провожу вас в любом случае.

Летта внимательно посмотрела на него. Юноша не отвёл взгляд.

– Я не имею никакого отношения к жрицам Храма, – произнесла сдержанно, но проводник слышал по запаху, что девушка чего-то не договаривает. – И к Имперскому Совету тоже. Не больше, чем вы или другой житель Империи.

– Вы обиделись.

– Почему же? – девушка насторожилась, видимо, не понимая, чем могла себя выдать. – Ваши выводы вполне закономерны. Но скоропалительны. Не стоит бояться или осуждать тех, кто знает песни Мракнесущего.

– Я и не собирался, – юноша передернул плечами, затёкшими от напряжения. – И про песни Мракнесущего слышу впервые. Просто путешествие в компании чёрной жрицы обычно заканчивается смертью её спутников, а Имперский Совет не любит, когда кто-то путается у него под ногами. Хотелось определиться.

– Определились?

Олаф вздохнул, поднялся с колен, подобрал нож и принялся свежевать ещё тёплую тушу недоеда. За тёмную лоснящуюся шкуру можно будет выручить не один десяток сигментов. А зубы зверя ценятся у имперских знахарей, как средство от многих болезней, и стоят ещё дороже. Жаль будет, если всё это пропадёт. Тёмный Храм и Имперский Совет – организации богатые. А вот Летта Валенса с её опасной силой – не очень. И хорошо, если никто из адептов про эту силу не знает.

Пока Олаф счищал ножом мездру, девушка наблюдала за ним с любопытством, несвойственным изнеженной столичной барышне. И не требовала ответа на свой вопрос.

А потом начала говорить. Её рассказ органично вплёлся в полотно размышлений Олафа, наложился тонким узором поверх и пропитался ароматом правды:

– Моя мать воспитывалась в Чёрном Храме. Отец увидел её там во время празднования межсезонья, когда открыли ворота и впустили желающих. Жрицы разыгрывали действие о создании мира. Мать, как самая красивая послушни-

ца, изображала слепую Жизнеродящую. По традиции, ей за-
капали в глаза туман-траву, а в конце представления должны
были сжечь. В легенде всё красиво. Богиня бессмертна. Но
мать – не богиня, и очень хотела жить, только ничего не ви-
дела и спастись не могла. Отец же смотрел на прекрасную де-
вушку, слушал, как она поёт, и влюблялся в неё всё сильнее.
Она не должна погибнуть! Когда мимо зрительских рядов
понесли живой огонь, отец невзначай толкнул жрицу. Начал-
ся пожар и паника. Люди вскакивали со своих мест и рва-
лись к выходу. Отец, воспользовавшись суматохой, схватил
ту, без которой уже не представлял жизни, и был таков. Он
понимал, что теперь обречён вечно скитаться – прикоснуть-
ся к послушнице, вмешаться в ритуал – смертный грех. Но
главное, любимая цела. Туман-траву из глаз со временем вы-
мыли слёзы. Мать не представляла, как жить вне стен Храма,
не верила, что избежала мучительной смерти и не знала, чем
может отблагодарить спасителя. Но он ничего не требовал и
не просил. Оберегал и учил. Находил кров и пищу. Прятал
и перевозил с места на место. Со временем мать полюбила
его. И призналась в этом. Я родилась через год после побе-
га и была единственным ребёнком. Мать научила меня пес-
ням Мракнесущего. Отец – читать и писать. Наконец роди-
телям надоело переезжать с места на место. Все чаще я слы-
шала предположение, что жрицы поверили в гибель матери
и отстали. Отец выстроил дом на окраине небольшого горо-
да. Именно там нас и настигло возмездие Храма. Родителей

убили. Меня хотели забрать, но передумали – я оказалась слишком некрасивой, чтобы служить Мракнесущему. Мне спели песню забвения, посчитав, что этого будет довольно. Жрицам было невдомёк, что мать научила меня одной хитрости: петь свою песню, пока не закончится их – что я и сделала. После ритуала жрицы передали меня под опеку дяде, родному брату матери, человеку безбедному.

Теперь Олаф чувствовал: недосказанности больше не будет. Нотки искренности раскрывались, как цветочные бутоны в начале сезона, и крепи с каждым произнесённым словом. Девушке нелегко давался рассказ. Каждое её слово было шагом первопроходца. И обратной дороги не было.

– Дядя воспитывал меня вместе со своими тремя дочерьми. Чужой я себя не чувствовала. Мне хватало и внимания, и воспитания, и лакомств. А поскольку была самой младшей, то, само собой, донашивала вещи сестёр, из которых те вырастали. – Летта шумно вздохнула и выдохнула, словно набираясь мужества перейти к следующей части своего рассказа. – Всё бы ничего, если бы три года назад дядя не превратился в игрока. Неудачливого. Каждый сезон, всего за одну неделю он спускал все свободные средства. Сестёр все еще вывозили в свет, они пользовались вниманием, но замуж их не звали – бесприданницы не в цене. Я же всегда оставалась дома, читала книги. Все махнули на меня рукой, считая, что мне светит участь старой девы. Пока однажды к дяде не пришёл нотариус с известием, что новые хозяева дома, некогда

построенного отцом, начали ремонт и обнаружили в стене триста флаконов с сигментной массой, сундучок с драгоценностями и листы с записками отца. Я мигом оказалась завидной невестой. По законам Златгорода, право выбора жениха до моего совершеннолетия предоставлено опекуну. Если таковой найдётся, то дядюшке отходит третья часть моего состояния, а остальное переходит будущему мужу в качестве приданого. Если меня не устроит выбор дяди, я должна буду заплатить за все годы моего воспитания, а в эту сумму войдут и новые наряды, и выезды на балы, и дорогие учителя, и различные деликатесы – всё: даже то, чего не было.

– Способ остаться при своём наследстве есть? – криво усмехнулся Олаф.

– Есть, – не услышала иронии Летта.

– Но дядя позаботился о женихе? – проявил проницательность юноша.

Летта кивнула и грустно поглядела вдаль. От неё густо, одурающе потянуло тревогой и печалью. Перекрывая запах освежёванной туши недоеда и чадающего костра.

– И вы решили убежать, потому что жених стар, глуп и безобразен?

– Нет, – возразила девушка. – Он молод, красив и умён. Это племянник жены моего дяди.

Она устала: от истории, от впечатлений дня, от позднего часа. Олаф чувствовал. И печаль в её голосе казалась оправой для этой усталости.

– Так почему же вы сбежали? – юноше стало очень жаль эту маленькую потерянную беглянку.

– Мной хотят оплатить долги! – она вскинула голову. – Жених – давний дядин кредитор. В последнее время у него самого тяжело со средствами, а возвращать деньги дядя не торопится. Женитьба на мне, равно как и мой отказ, ему очень выгодны – долг вернётся, так или иначе.

– Почему же вам не пришло в голову, что жених может быть влюблён в вас?

– Посмотрите внимательно, – Летта вплотную придвинулась к проводнику. – Я слишком некрасива. Меня нельзя полюбить. Знаете, что сказал дядя, когда увидел меня впервые? Жизнеродящая на ней отдохнула! Если бы не протекция жриц Храма, которые хотели, чтобы все знали, как они справедливы, семья отвергла бы меня!

Вблизи лицо девушки напоминало фарфоровую маску: идеально ровную, матовую, без малейших признаков сосудов и вен под кожей. Даже белые волоски ресниц и бровей казались ненастоящими, приклеенными искусным мастером. Не говоря уже о противоестественно-насыщенном цвете волос. Олафу подумалось, что необычная внешность Летты – не только причуда Жизнеродящей. Тут вмешалось что-то ещё. Белокожие женщины и девушки... Что-то связанное... Но воспоминание мелькнуло и погасло.

И глядя в ее огромные глаза, Олаф сказал:

– Как бы там ни было, жених мог полюбить вас, Летта Ва-

ленса. А вы – его. Пусть не сразу. Со временем.

– Нет! Признать меня негодной для замужества – лучший выход! – возразила она жестко, и, видимо, посчитав разговор оконченным, отвернулась к стене.

Концы сошлись. Темьгород. Закрытое гетто ущербного люда. Туда свозили несчастных со всех концов Империи. Иногда под стражей. Делали с ними что-то, отчего те не могли иметь детей, а взамен давали жильё, еду и работу. Считалось, что это – милосердие, жертва во благо Империи. У Олафа имелась своя точка зрения, жаль, что от его мнения мало что зависело. Неужели девушка считает себя настолько уродливой? Бред какой-то!

Олафу захотелось поддержать Летту, но он не знал как. Будь она парнем – хлопнул бы по плечу и посоветовал не брать в голову; подругой – обнял бы; маленьким ребёнком – отвлёл бы сказкой. Но для случайной встречной подобрать приём оказалось сложнее.

Он подложил в костёр хвороста и лёг в паре локтей от упрямыцы. Думал, что засыпать будет долго, а то и вообще не заснёт... Но напрасно волновался.

Всю ночь ему снилось синее-пресинее небо, лохматящие макушку руки матери и улыбка брата.

День второй. Привал с душком

Утро ворвалось в пещеру заунывной песней горного ветра. Летта и Олаф проснулись одновременно, будто от толчка, и уставились глаза в глаза, не сообразив сразу, почему лежат так близко. Ночной холод заставил их искать тепло в объятиях друг друга. Сердца стучали в едином ритме. Дыхание взвивалось общим облачком пара. Руки и ноги переплелись, как ветви деревьев.

От аромата девичьего смущения защекотало в ноздрях.

– Извините! – Олаф вскочил на ноги и, чтобы скрыть замешательство и покрасневшие щеки, сразу же принялся за работу: деловито свернул шкуру недоеда, собрал оставшийся провиант и затоптал тлеющие угли.

– Не стоит извиняться. Вы не сделали ничего плохого, встречающий проводник Олаф, – произнесла неожиданно Летта. – И с вами надёжно.

Слова прозвучали искренне и очень обрадовали. Олаф оглянулся. Девушка стояла у стены и уже успела заплести тяжёлые волосы в косу. Пахла она безграничным доверием.

– Перекусим по дороге, – предложил юноша, перекинув мешок через плечо. – За холмами есть гостевой привал³, хорошо бы добраться до него к ночи. И доброго ветра нам в

³ дом для отдыха в пути, располагается на перекрестке дорог, служит для временного пристанища

спину!

Воздух снаружи был сух и прохладен. На небе – ни облачка. Даже не верилось, что почти всю ночь шел дождь. Дорога уходила вдаль, огибая гору, в которой камнежорка прогрызла пещеру. Позади оставались поля кислицы, лес и станция Олафа.

– Вы можете ещё вернуться, – едва слышно предложила Летта, подавшись вперёд.

Олаф помотал головой. Прокашлялся.

– Вы тоже. Но ведь не вернётесь? – он знал, что это – риторический вопрос.

Олаф шёл, поглядывая на спутницу. Невольно вспоминались прежние путешествия, случайные попутчики, к которым он даже не успевал привязаться. Юноша боялся впускать их в сердце, избегая возможной боли расставания. Образ жизни, на который он однажды обрёл себя, предполагал одиночество. Просто чтобы в случае чего, не раздумывать над тем, что могло бы произойти, не проигрывать вариации поступков и слов, не печалиться о мечтах, которым не суждено сбыться.

О чем думала Летта – он мог лишь гадать. Может быть, она вспоминала дом, родителей, своё детство. Или, напротив, задумывалась о будущем. От неё пахло грустью, тонко и нежно.

Дорога шла вверх и становилась все каменистее. Почти исчезли растения: деревья, кусты, трава. Редкие птицы с

пронзительными криками кружили в вышине. Тоскливая, терзающая, глаза местность.

Летта чуть отстала, и Олаф обернулся посмотреть, как у нее дела. Измотанной она не выглядела, разве что слегка запыхалась. Хороший попутчик!

На вершине взгорья молодые люди остановились. Присели прямо на тёплые камни. Позавтракали хлебом с солью, запили нехитрое кушанье закисшим воловком. Гурман бы скривился. Но Олафа и Летту всё устроило.

– Дальше дорога пойдёт на спуск, – предупредил юноша. – Но особо не обольщайтесь, легче путь не станет.

– Ничего страшного, – улыбнулась Летта, встряхивая почти опустевший заплечный мешок. – У меня удобная обувь и опытный проводник, – она демонстративно потопала, словно расшалившийся ребёнок.

Олаф улыбнулся в ответ. Кажется, делать это становится всё привычней. И даже появились ямочки на щёках, наверняка превращающие его в мальчишку. Странно. Он уже начал надеяться, что научился быть бесстрастным.

Как Олаф ни пугал Летту, спуск все же оказался легче, чем подъем. Дорога уходила вдаль ровно и открыто, вся местность проматривалась, как на ладони. Неудобство доставляли лишь палящее солнце и ветер, оставляющий на зубах скрипучий песок.

Девушка не отставала ни на шаг. Не просилась отдохнуть. Не ныла и не жаловалась. Промокала пот со лба. А потом за-

метила разлапистый лопоух, оборвала круглые широкие листья и соорудила две шляпы – себе и Олафу. Она отличалась от изнеженных имперских барышень, как горная речка от маленького садового фонтанчика.

Юноша в порыве благодарности не нашёл ничего лучшего, как забрать у неё заплечную сумку.

– Мне неудобно! – смутилась Летта. – Я же должна что-то нести.

– Компания ветряных перевозок заботится о своих клиентах, – ответил Олаф и шутливо поклонился.

Она не поняла и приняла все за чистую монету.

– Тогда вот, возьмите, – пробормотала, роясь в складках плаща и пытаясь выудить из глубокого кармана сигменты, но перестала, увидев, что юноша смеётся. – Вы очень богатый человек, встречающий проводник Олаф, у вас щедрость Жизнеродящей, – прошептала девушка.

– Не жалуясь, – он вновь стал серьёзным.

И ловко поддержал спутницу, едва не оступившуюся на опасных камнях.

Весь день припекало солнце. Есть почти не хотелось. Достаточно было пожевать размятых в ладони листьев сытихи, росшей прямо на каменистой обочине, да хлебнуть воды из фляги, чтобы наесться. Но вот к вечеру, когда светило спряталось за грядой и начал сгущаться влажный сумрак, навалились усталость и голод. Их еле ощутимый флер коснулся ноздрей Олафа. Хотя Летта по-прежнему не жаловалась. Ин-

тересно почему: терпение – её врожденная черта, или опасалась, что может надоесть проводнику? Юноша порылся в вещах и извлёк раскрошившееся по краям печенье. Девушка с благодарностью приняла угощение, но поделилась и с Олафом.

Каменистая дорога перешла в торфяную. Вдали виднелись небольшие перелески. Чахлая горная растительность сменилась густым кустарником и сочной травой. Летта почти сразу обнаружила ароматные крупные ягоды терновицы и принялась их собирать. Ими и перекусили, перемазавшись, как дети, фиолетовым сладким соком. Отмывались потом в холодном ручье. За этим веселым занятием забыли даже, куда идут – и свои планы успеть до привала к ночи.

Но когда над головой начала виться мошкара, и все чаще с пронзительным свистом проносились мелкие птицы, Летта запахла тревогой.

– Скоро совсем стемнеет, как бы опять не начался дождь, – поделилась она с Олафом опасениями.

– За тем пригорком, – мотнул головой юноша, – будет виден привал. Думаю, мы успеем.

Девушка кивнула, прибавила шаг и вскоре даже перегнала спутника. Спешка ее была вполне понятна. Любому столичному жителю привычнее ночевать на чистых простынях, чем в открытом поле.

На небе одна за другой появлялись звезды: яркие, мерцающие, манящие, ещё не скрытые тяжёлыми тучами. В траве,

словно их земное отражение, вспыхивали светляки. Стреко-
тали прыгуны. Методично отсчитывала чужие прожитые го-
ды невидимая в сумерках птица летосчетка. В залитой жид-
ким туманом лощине плескались огни гостевого привала. То
была спокойная, умиротворяющая картина: впору было ду-
мать, будто повышенный фон опасности просто привиделся
кому-то в дурном сне.

– Надеюсь, в привале найдётся для нас местечко, – тихо
проговорила Летта.

– Думаю, хозяин даже будет нам рад, – предположил юно-
ша.

– Вы говорите так уверенно, – она окинула его быстрым
пытливым взглядом.

– Мне уже приходилось ночевать тут однажды. Был са-
мый конец переходного сезона, дул промозглый ветер и шёл
дождь со снегом. Погода стояла мерзкая, но и тогда гостей
было немного.

Олаф не стал подробно рассказывать, что, собственно го-
воря, кроме него постояльцев было всего двое: бродячий му-
зыкант, весьма виртуозно и увлечённо развлекающий себя
игрой на тэссере⁴, и шестипалый одноглазый неразговорчи-
вый малый, добровольно держащий путь в Темьгород. Хозя-
ин привала казался одинаково любезен и услужлив со всеми.
И даже не взял дополнительной платы с Олафа за науку, как
быстро вылечить начинающуюся простуду: у того заложило

⁴ струнный музыкальный инструмент в форме куба с гитарным грифом

нос, и мучил кашель.

– Зачем тогда держать привал в такой глуши? – удивилась Летта.

– Мы часто совершаем нелогичные на сторонний взгляд поступки, – пожал плечами юноша. – Разве нет? Может, ему нравится безлюдная местность? Или не нравятся люди?

– Разве это не одно и то же?

Олаф усмехнулся и пожал плечами. Потом предложил девушке руку, потому что спуск предстоял нелёгкий: трава, покрытая росой, делала едва видимую тропу довольно скользкой, можно запросто свернуть шею перед долгожданным привалом. Летта на миг задумалась, а потом быстро переплела свои пальцы с пальцами юноши, будто собралась прыгать в холодную воду.

Молодые люди мелкими перебежками, оскальзываясь и поднимаясь, довольно скоро оказались в лощине. Туман всё сгущался, но едва различимая тропа под ногами могла вывести только к желаемому привалу, заблудиться казалось невозможно. И все же они поплутали немного. Почему-то вышли на хлюпающее под ногами болото. Сделав буквально пару шагов вперёд, завязли по щиколотку и поняли свою ошибку. С трудом выбрались, вымазав обувь и штаны в вязкой грязи, огляделись. Тропинка растаяла в зарослях, словно бежала-бежала и провалилась под землю, то ли от страха, то ли из скромности.

Олаф не придумал ничего лучше, чем вернуться по сво-

им же еле различимым следам. Добравшись до уже знакомого места, путешественники обнаружили, что тропа действительно разветвляется, и они как-то прозевали нужный поворот. По своему прошлому путешествию парень этого не помнил, и не мог представить, кому понадобилось прокладывать дорогу, ведущую к смертоносной трясине.

Тем временем туман развеялся, но сгустилась темнота. Холодный и влажный ветер завесил небо тучами с рваными краями. Осталось лишь положиться на удачу и надеяться, что теперь тропа приведёт точно к привалу. Ночевать рядом с болотом, да ещё и под дождём – не слишком приятная перспектива.

– Пахнет хлебом, – сказала девушка через некоторое время.

Олаф, до этих слов ощущавший только её напряжение и лёгкий страх, потянул носом, и ароматы эмоций сменились обычными бытовыми запахами. Да, это была свежая выпечка, а значит, они не сбились с пути, и привал близко.

Но проводника насторожила примесь гнильцы в воздухе. Что-то на привале не так. В прошлый раз все было иначе. Впрочем, ручаться юноша не мог, из-за тогдашнего насморка он не учуял бы и навозную кучу. Олаф встревожился, но постарался не выдать своих чувств. В конце концов, может просто почудилось от усталости.

Наконец, с первым раскатом грома, молодые люди вышли к привалу. Самому обычному: низкий забор с распашными

воротами и двухэтажное приземистое строение с парой пристроек. Всё добротное, деревянное. Почему-то все привалы строили из срубов. Сколько их видел Олаф – и ни одной каменной кладки, только ровные, гладкие бревна. Может, потому что дерево – символ дома, где спится слаще, а естся сытнее, лучше отдыхается после долгой дороги?

– Постоите у ворот, пока я осмотрюсь? – предложил Олаф. Нет смысла лишний раз пугать спутницу, хотя запах гнили возле трактира и вправду сделался сильнее.

Летта удивилась, но расспрашивать не стала и только кивнула в ответ. Юноша положил вещи прямо на землю, поддел кинжалом щеколду с внешней стороны и отворил широкие створки, придержав язычок гостевого колокола, чтобы не звякнул раньше времени. Немного пройдя вперёд, он оглянулся: девушка послушно стояла на одном месте, доверчиво глядя ему вслед. Но ей было страшно, он чувствовал это. Там, за воротами стало уже совсем темно. Двор же освещало несколько фонарных столбов, врытых по периметру забора.

– Заходите, – позвал Олаф шёпотом.

Летта с явным облегчением проскользнула внутрь. На свету она почувствовала себя увереннее. Парня бросило в краску от собственной недогадливости. Какая бы опасность не подстерегала внутри привала, по эту сторону они находились вдвоём. А там путешественница оставалась одна, и, наверное, чувствовала себя беззащитной.

Молодой человек ободряюще улыбнулся своей спутнице и для начала широкими шагами обошёл двор, присматриваясь к каждой тени, не понимая причины тревожащего его особенного обоняния запаха. Конюшня, из которой доносилось пофыркивание и негромкое ржание, Олафа надолго не заинтересовала, он только огляделся в полумраке и спокойно двинулся к дому. Приподнявшись на цыпочках, заглянул в окно и долго что-то высматривал внутри. Затем вернулся к воротам за вещами, поманил за собой ожидающую решения Летту и постучал дверным молотком.

Со времен их первого знакомства хозяин трактира изменился мало: тот же цепкий взгляд прищуренных, чуть раскосых глаз, те же лохматые брови и вислые усы. Лишь поседел больше, а пузо еще сильнее нависло над низко повязанным передником. Несмотря на поздний час, сонным и усталым привальщик не выглядел. Он оценивающе оглядел гостей и, видимо, остался доволен, так густо от него потянуло патокой, липкой, вязкой, приторно-сладкой. Трудно было понять, узнал ли толстяк Олафа, но тот на это и не рассчитывал.

– Добрый вечер! Я – привальщик Смут. Чем могу быть полезен добрым господам?

– Нам нужны горячий ужин и ночлег на одну ночь.

– Можно устроить. У меня как раз имеются свободные комнаты, – хозяин распахнул дверь шире, пропуская молодых людей в просторную трапезную, где стройными рядами

вдоль стен стояли столы и скамейки.

В дальнем углу за столом дремал, положив голову на руки, какой-то пожилой мужичок, по виду ремесленник, в поношенной, но добротной и чистой одежде. Напротив него с аппетитом хлебал похлёбку дюжий малый в мерцающем всеми цветами радуги плаще мага. С третьим гостем, привлекательным светловолосым молодым человеком, скучавшим у окна в компании с тэссерой, Олаф был давно знаком и обменялся с ним быстрым взглядом. Не хотелось бы, чтобы кто-то лез сейчас с ненужными расспросами и досадным вниманием, даже если этот кто-то – некогда прошёл с тобой часть пути.

– Прошу, присаживайтесь, – радушно пригласил хозяин, и нарочито обмахнул ближайший стол полотенцем. – На ужин жаркое, пирог с сытихой и требушка жареная. Есть супец из речной рыбешки, сама она костлявая, но навар больно хорош. Могу принести, что скажете, или все разом? Пить будете пиво, воловок, чай? С заморскими винами нынче вышла неприятность: рухнула в подвале лестница, все бутылки побила, – он говорил суетливо и подобострастно, не давая вставить ни слова.

– Принесите всего понемногу, – особо не затруднился с выбором Олаф. – Из напитков – лучше чай.

Привальщик сорвался с места со скоростью, которую едва ли можно было ожидать от человека его комплекции, и скрылся за загородкой, видимо, пошёл на кухню за расхва-

ленными яствами.

Летта осторожно присела на край скамьи и расстегнула плащ. Юноша опустил поклажу на пол, а сам остался стоять, опираясь кулаками на стол, будто выжидая чего-то. Обстановка казалась вполне мирной, всё располагало к отдыху, по крайней мере, на первый взгляд. И все же ноздри молодого человека трепетали от въедливого смрада чужого отчаяния и страха. Некто, источающий эти эмоции, находился в доме. Хотя точно не в трапезной. Больной постоялец пах бы иначе. Некто, погрязший в бытовых проблемах – тоже. Одно можно было сказать точно – он уже потерял всякую надежду на благополучный исход.

Олаф едва дождался, пока вернётся хозяин, чтобы задать вертящийся на языке вопрос:

– Негусто с гостями?

Смут, расставляющий посуду, пожал плечами и обиженно буркнул в усы:

– Как обычно в этих местах. Все здесь, – потом спросил внятнее, пристально взглянув на Летту. – Стелить в разных комнатах?

– Нет. В одной, – поспешно ответила девушка, словно опасаясь, что её опередит проводник, – но принесите два одеяла, пожалуйста. Мы с братом...

– Братом? – повёл кустистыми бровями привальщик. Былое радушие смывалось с его лица, как плохая краска под струями дождя, он словно уже подсчитывал про себя, сколь-

ко намерены сэкономить гости, сначала отказавшись от вина, потом от второй комнаты.

– Братом-братом, – спокойно подтвердил юноша, опускаясь, наконец, на скамью рядом с Леттой и нарочито приобнимая девушку за плечи. – Мы идём с юга и пока не привыкли к вашему климату. Холодно тут у вас, – он незаметно наступил «сестре» на ногу. – Хоть и тёплый сезон. Дождливо.

– Мы доплатим, разумеется, – она брякнула на стол несколько монет, которые тут же, как по волшебству, исчезли в руке Смута.

– Принесу одеяла в вашу комнату, – коротко поклонился привальщик и, наконец, отошёл от стола.

Летта начала с жаркого, отставив в сторону остальные блюда. Олаф же нехотя погрузил ложку в тарелку с ухой – назойливую вонь не перебивал даже аромат ужина. Похлебал без особого аппетита.

Музыкант тем временем начал настраивать тэссеру, подтягивая колки и лениво перебирая струны, добиваясь идеального на его слух звучания. Собрался петь? Или сочинять песню? Давно он тут?

Словно услышав незаданные вслух вопросы, тэссерист затянул:

– Навещаю привал я тоскливой порой,
Отдыхаю душой, наслаждаюсь едой,
И поэзию струн разбавляю вином,

Только песня моя не о том, не о том...

Если встречу друзей, буду искренне рад,
Даже если они мне в ответ промолчат,
Даже если та встреча – подёрнута льдом,
Только песня моя не о том, не о том...

Инструмент звучал приятно и мягко. Мелодия услаждала слух. Признаться, Олафа это удивило. Он помнил крикливые и несколько фривольные шансонетки, которыми тэссерист баловался раньше. Сейчас стиль музыканта изменился. Впрочем, одна случайная песня ничего не доказывала. Может, это так, творческое изложение его сиюминутных мыслей.

Летта наелась, и просто сидела, прислушиваясь к песне. Музыканту было далеко до её «колыбельной недоеду», но, судя по всему, он девушку зацепил. Впрочем, в обаянии тэссеристу не откажешь. Почему-то это досаждало. Особенно на фоне тревожащих запахов.

Олаф выдержал недолго.

– Не пора ли спать? – он резко поднялся на ноги, невольно прерывая песню.

Тэссерист улыбнулся одними глазами и отсалютовал проводнику. Следующая мелодия по тембру и звуку стала ещё более мягкой, напоминая слышанные в детстве колыбельные. Музыкант баловался, наслаждаясь производимым впе-

чатлением.

– Думаю, да, – Летта кивнула и тоже поднялась со скамьи.

Выглядела она сонной. Олаф махнул рукой хозяину, положив на стол ещё несколько монет, в компанию к исчезнувшим в кармане передника привальщика. Тот подскочил и протянул ключ от комнаты.

– По лестнице, первая дверь налево, – пояснил глухо. – Постель застелена, в камине разведён огонь. Если покажется зябко, дрова на полу у двери.

– Разберёмся, – юноша кивнул, подхватил поклажу и, непринуждённо предложив девушке руку, повёл на ночлег.

Лестница была широкой, но тёмной. Тусклого света из трапезной едва хватало на первые ступеньки, последние же терялись во мраке. Но не только боязнь оступиться вынуждала молодых людей держаться за руки: во-первых, они старательно изображали брата с сестрой, а во-вторых, это стало уже привычным – чувствовать пожатия пальцев, тепло и поддержку.

Миновав два лестничных пролёта, Олаф и Летта оказались в глухом коридоре, освещенном едва мерцающими плоскими лампами, свисающими с низкого потолка. Их света едва хватало, чтобы всунуть ключ в замочную скважину; похоже, привальщик экономил, не слишком заботясь об удобствах своих гостей. Комнат было не очень много: четыре по правую руку, четыре по левую. Чистая, но порядком вытертая ковровая дорожка на полу приглушала шаги. Кро-

щечные безвкусные картинки на стене, призванные украсить и облагородить пространство, скорее пугали: в своих тяжёлых рамах они смотрелись окнами в параллельный мир – то слишком тусклый, то сюрреалистичный.

В комнате, отведённой Смутом молодым людям, оказалось неожиданно светло, а уж натоплено так, что впору устраивать баню. Хозяин не обманул и рядом с дверью оставил дополнительные дрова, но можно было не сомневаться – они не пригодятся. Обстановка в комнате не удивила. Обычная, не слишком дорогая, каких немало в многочисленных привалах любого уголка Империи. Громоздкая кровать с плотным балдахином стояла по центру. По правую сторону от окна притулилось расшатанное кресло, по левую – небольшое трюмо с зеркалом, занавешенным тонким тюлем. Ничего лишнего или роскошного. Вся мебель приходилась ровесницей, должно быть, родителям Смута, а он сам вполне по возрасту мог быть дедом.

Олаф, повернув изнутри ключ на два оборота, бросил вещи рядом с дровами и поинтересовался у Летты:

– Как это вам пришло в голову назваться моей сестрой?

– Я же не оскорбила ваших чувств? – она уже не казалась осоловелой, напротив, выглядела довольно живо и бодро для путешественницы, весь день проведшей в дороге.

– Ничуть.

Девушка присела на край кровати.

– Просто если при мне начинают проверять двор, прежде

чем постучаться в дверь, мне становится неудобно. А в этом случае лучше ночевать вдвоем, с тем, кому доверяешь, – пояснила сдержанно. – Мы не выглядим мужем и женой. Невестой и женихом тоже. Хозяин мог воспротивиться нашему пребыванию в одной комнате. Ведь так не положено, спать чужим людям на одной кровати?

Олаф хмыкнул и пожал плечами. Он очень сомневался, что привальщик радеет за моральные устои, всё упиралось только в цену, которую ему могли предложить. Накинь сверху пару сигментов и называйся хоть отцом с дочерью, хоть матерью с сыном. Но девушка из Златгорода вполне могла этого не знать. В книгах для девиц о таком не пишут. Этот опыт постигается на собственной шкуре.

– В любом случае, вы молодчина! Я бы и сам предпочел не оставлять вас в одиночестве, – юноша и до этого признания изнывал от жары, а сейчас ему и вовсе захотелось нырнуть под ледяной душ. – Но не мог сообразить, как это сделать, чтобы не обидеть.

– Видите, как хорошо, что я не так щепетильна. Быстро записала вас в родственники и не подумала, что вам может не понравиться сестра вроде меня. – Летта улыбнулась и вдруг стала почти хорошенькой, так что Олаф не мог не улыбнуться в ответ.

Олаф снял куртку. Расстегнул рубашку и ослабил пояс. Скинул тяжелые ботинки. Расслабленно опустился в кресло. Оно заскрипело, проминаясь под телом. Спать юноша не со-

бирался, но состояние покоя было упоительно, каждая мышца отозвалась сладкой истомой. То же, должно быть, испытывала и Летта. Девушка расстегнула верхние пуговички рубахи и, сняв башмачки, поджала ноги под себя. Как ребёнок, попрыгала на постели. А потом прилегла, поглядывая на проводника из-под белых ресниц.

– Спите, – посоветовал он. – Если вам удастся заснуть до того, как распоеется тэссерист, будет отлично.

– Музыкант ваш знакомый? – предположила Летта.

– Это так заметно? – удивился Олаф.

Она кивнула.

– Я ушёл из дома, когда мне едва исполнилось четырнадцать, много странствовал. Пару раз пересекался с этим соловьем. В какой-то момент мне даже казалось, что я по горло сыт его песенками. Но сегодня выяснилось, что не всё потеряно, – ответил юноша, не вдаваясь в подробности, и прикрыл глаза, словно решил подремать.

Он почему-то боялся, что более подробный рассказ воскресит ненужные воспоминания, разбередит старые раны, поднимет прошлое со дна души. Хотя спутница к откровенностям не принуждала и лишних вопросов не задавала, можно было легко перейти грань. А делиться своим прошлым Олаф не собирался.

Девушка устроилась на постели поудобнее, повозилась немного и тоже притихла. Юноша мог поклясться, что его спутница бодрствует, как и он, может быть, вспоминает ро-

дителей, или дядю, сестёр, своего несостоявшегося жениха? Почему-то это предположение царапнуло душу. Как Лета отзывалась о нем? Красив и умён? Олаф заворочался в кресле. Оно заскрипело и застонало, словно терзаемое застарелым ревматизмом. Эти звуки оказались весьма созвучны мыслям, и раздражали. Проводник снова замер, стараясь не думать вообще ни о чём.

Некоторое время тишину нарушало только потрескивание огня в камине. Потом снизу послышалась возня, глухое бормотание, и негромкий перебор тэссеры. У старого знакомого Олафа была досадная привычка петь тогда, когда все другие собираются ко сну. Почему-то муза посещала его именно в такое время. Что ж, это уже мелочь, по сравнению с прошлой ночью. Лучше незатейливые песенки, чем рык недоеда.

Хотя Олаф спать не собирался. Он планировал разобраться, что за запах отчаяния заполонил привал. Ни один из виденных людей не испытывал этих эмоций. Значит, где-то поблизости находилась ещё одна живая душа, и она томилась, потеряв последнюю надежду. Слуга? Член семьи Смута? Случайный гость? Почему ему плохо? За какой дверью его искать? И, в конце концов, как представить и объяснить поиски, чтобы не выдать своего дара?

Мысли Олафа прервал глубокий вздох девушки. В её запахе почувствовался легкий цветочный оттенок светлой грусти.

– Мама тоже играла на тэссере. А дядя, напротив, считал, что инструмент в доме – непозволительная роскошь.

– Да? А может он просто боялся, что вы начнете петь? – открыв глаза, неловко пошутил юноша.

Летта негромко хихикнула, не обидевшись.

– Я и пела. Обычные песни. И сестриц учила мелодиям попроще. У них со слухом было не очень, правда. Но мы довольно ладно распевали про цветочки в саду, овечек на лугу, про ленивого пастушка, и влюблённых в него дурочек. Средний репертуар имперских барышень.

Олаф хмыкнул. Его спутница обладала изрядной долей самоиронии.

– Тот, снизу, считает себя отличным поэтом и в чём-то летописцем. Но его песни вряд ли у вас на слуху. Они довольно, – юноша задумался, чтобы точнее подобрать слово, – специфичные. В них минимум двадцать стрóf и потуги на историческую достоверность.

– Видимо, вы однажды поймали его на лжи? – она оказалась на редкость проникательной.

– И даже не однажды.

– Например?

– Он утверждал, что драконы вымерли, – Олаф ляпнул первое, что пришло в голову.

– А они?

– Живут, как и жили, нет ни одного королевства Империи, где они бы не встречались. Разве, пожалуй, только наше. Им

не нравится здешний климат, – отозвался Олаф.

– Да? – девушка даже присела на кровати, заинтересовавшись разговором. – И как они выглядят?

– Так же, как мы. Только летают временами.

– А как же страшный облик, мощные крылья и змеиная голова? – в её голосе послышалось некоторое недоумение.

Юноша рассмеялся. Представление о драконах было, наверняка, почерпнуто Леттой из детских книжек. Там, как водится, весьма красочно расписывались крылатые ящеры, питающиеся исключительно одними особами голубых кровей – сказки, короче говоря.

– Я видел танец драконов во время грозы. В этот момент у них действительно вырастают крылья – огромные, на полнеба. А ещё вырывается огонь из пасти. Но в обычное время они ничем не отличаются от нас с вами, ни внешне, ни характером. Можно всю жизнь прожить с драконом по соседству, и так и не узнать об этом. Хотя стареют они медленнее. Всё остальное – детские сказки.

– Тогда зачем это придумали?

– Не скажу наверняка, – Олаф покачал головой, словно собеседница могла увидеть его в темноте, – это лишь моё личное предположение – чтобы защитить драконов от людей.

Струнный перебор тэссеры дополнился неразборчивым пением. Песня звучала всё громче и веселее, уже даже можно было разобрать отдельные слова. А потом вдруг прервалась. Зная музыканта – не случайно. Тем более, тишина, вдруг

разлившаяся по привалу, показалась слишком неестественной.

Олаф быстро обулся, вскочил с кресла и подошёл к двери. Летта встревоженно села.

– Может парню в плаще мага не понравилась песня? – предположила с сомнением. – Взмахнул волшебной палочкой и усыпил вашего знакомого?

Не хотелось её пугать, но, как говорится, лучше горькая правда, чем сладкая ложь.

– Если только волшебная палочка – дубинка. У виденного нами мага специальность довольно узкая – перевозить в Темьгород тех, кто, в отличие от вас, далеко не жаждет туда попасть, – ответил Олаф мрачно. – Громила умеет пользоваться парочкой разовых заклинаний, составленных для него более сведущими людьми – и точка. Его амуниция – не более чем дань традициям. Он не смог бы заткнуть музыканта так быстро и тихо.

Девушка пахла растерянностью. Её книжные представления о мире рассыпались, как песчаные замки, вылепленные малышом. Сначала драконы, теперь маг, фактически оказавшийся конвоиром. Интересно, что она вообразила о Темьгороде? Осознает ли она до конца, куда идёт, и среди кого ей придётся жить, если не передумает? Олафу стало жаль эту убегающую невесту. Однако слова Летты опровергли его предположения:

– Когда у одной из дядиных служанок родился двухголо-

вый младенец, потребовалось три стража, чтобы забрать его у матери. Они разбили в кровь её лицо и сломали руки. А она всё равно плелась за повозкой, пока не упала на дороге замертво. Но стражи не притворялись магами. Обычные солдафоны, не способные на сочувствие.

Стало грустно и тошно.

Заструившийся в щели с новой силой гнилой запах отчаяния напомнил о себе. Юноша повернул ключ. Прислушался, не привлёк ли кого скрежет в замке. Но в трактире по-прежнему стояла неправдоподобная тишина, словно и гости, и привальщик Смут – вдруг исчезли.

– Как только я выйду, – сказал Олаф, – закройте за мной дверь и не открывайте никому, кроме меня. Даже если услышите крики или мольбу. Здесь творится что-то странное. Надо разобраться, что.

– Хорошо, – послушно отозвалась Летта.

– Если меня не будет очень долго, постарайтесь выбраться в окно, оно не высоко. Берите только самое нужное, остальное оставьте. В мешке карта. Не отступайте от неё, – юноша надеялся, что вернётся, но составить дополнительный план не мешало.

Девушка скользнула к нему. Легонько провела пальцем по щеке, прикоснулась ко лбу. Проводник запоздало понял, что она осенила его благословением Жизнеродящей, каким благословляли воинов, провожали в дальний путь, отводили болезни и горести. Всем женщинам Империи была дана такая

власть, светлый дар богини.

– Я дождусь вас.

– Тогда хотя бы пойте, если почувствуете опасность, – криво усмехнулся Олаф, пожимая маленькую руку. – И не жалеете того, кто окажется за дверью.

– Там можете оказаться вы, – шепнула Летта.

Юноша вышел из комнаты, постоял, пока не услышал щелчок замка, а потом, стараясь не шуметь, спустился по лестнице. Внизу горел яркий свет. Ремесленника, хозяина и наёмника не было видно. Только музыкант спал лицом на столе, крепко обнимая свою тэссеру. Олаф бесцеремонно растолкал его и тут же зажал рот ладонью.

– Тихо, Курт! – сказал едва слышно. – Это я. Где все?

– Не знаю, не помню ничего, – музыкант энергично помотал головой, чтобы окончательно проснуться, потом кивнул на опрокинутую пустую кружку перед собой, – подсыпали что-то?

– Возможно, – ответил, понюхав, Олаф. – Растерли сон-траву и добавили побольше сахарного сиропа. – А потом добавил: – Мне нужна твоя помощь.

– Всегда пожалуйста! – тэссерист зевал, но отчаянно старался взбодриться. – Вдруг про меня сложат героическую балладу!

– Не обольщайся. Здесь нет других стихоплетов, только ты. Струны целы?

– Три четверти – точно, – оглядев инструмент, ответил

Курт.

Олаф усмехнулся:

– Не похоже на тебя.

– Не успел просто, – беззлобно отозвался на шутку музыкант.

– Тогда, как я скамандую, начинай играть как можно громче.

– И только? – удивился тэссерист.

– Остальное симпровизируешь.

– Значит, пахивает заварушкой?

Проводник потерел свой нос:

– Поверь, здесь не просто пахивает, здесь воняет крупными неприятностями.

– Серьезно? – Курт не стал острить на тему, что просто кто-то забыл вовремя помыться, а ведь ещё недавно от него вполне можно было этого ожидать.

– И даже не неприятностями, а чем-то большим, – юноша прищурился. – Ты давно здесь?

– Пятый день прохлаждаюсь. Решил устроить себе тихие каникулы.

– Ничего не заметил?

Тэссерщик только почесал в затылке вместо ответа и пожал плечами.

– А народу много было?

– До сегодняшнего дня только я и хозяин. Сегодня, вон, эти двое прибыли, да вы ещё. Куда, кстати, все делись?

– Сейчас и узнаем. Давай, играй! – ответил Олаф, а сам нырнул под стол.

Курт удивился, а ещё, вполне понятно, струхнул немного, но забренчал первое, что пришло в голову, подпевая нарочито хриплым голосом. Это оказалось разухабистая и немного пошловатая ярмарочная песенка. Исполняемая на трёх струнах, она не имела сложной мелодии. Основное её достоинство заключалось в звучности. Олаф показал музыканту из-под стола большой палец и подмигнул.

Как и следовало ожидать, громкие звуки довольно скоро выманили ошеломлённых наемника и привальщика, явно не ожидавших, что тэссерщик так быстро придёт в себя, наверное, доза сон-травы была убойной. Смут вылез первым, за ним громила в плаще мага. За спиной у них остался тёмный проём потайного хода.

– Ты, это, потише, потише, – бормотал наёмник, доказывая свою полную несостоятельность на магическом поприще.

Смут же принялся оглядываться по сторонам, видимо, гадая, не разбудила ли музыка нечаянных гостей, а заодно выискивая, чем можно вырубить старательно прикидывающегося пьяным музыканта.

Дурман в голове Курта развеялся окончательно. А запах смелости вступил в противоборство с миазмами, источаемыми привальщиком и его напарником. Тэссерист забренчал ещё яростнее, терзая ни в чем неповинные струны своего ин-

струмента. Голос молодого человека хрипел и срывался на низкий рык, ничем не выдавая того, что его обладатель учился у самых лучших учителей Империи.

Олаф прополз под столом и шмыгнул к потайной двери – отчаяние исходило именно оттуда. На миг ослепнув в полной темноте, юноша едва не покатился по крутой каменной лестнице вниз и удержался только благодаря перилам. Схватившись за них обеими руками, так крепко, что заломило в запястьях, он дал глазам немного привыкнуть. Прислушался. Сзади доносились обрывки ругательств и стоны разбиваемой тессеры – Курт импровизировал. Впереди раздавалось только клацанье и монотонный звук работы неизвестных механизмов.

Олаф спустился по ступенькам. И оказался в помещении, где работал механический насос, щедрыми плевками выкачивающий из недр земли перламутровую светящуюся массу, прямо в большой чан. Масса стоила бешеных денег, потому что служила для изготовления имперских сигментов.

Другой механизм, аналогичный работающему, простаивал без дела. Рядом с ним возился, позвякивая инструментами, ремесленник. Он побряхтывал, увлечённо прикручивая какие-то детали. А позади него, часто моргая тремя глазами, дрожало и жалось к стене забитое, испускающее тяжелые струи умирающей надежды, исхудавшее до невозможности, существо неопределенного пола и возраста. Истлевшие лохмотья не могли обогреть или скрыть следы побоев и неза-

видного существования.

И ремесленник, и трехглазый, услышав шаги, вскинули глаза на вошедшего Олафа.

– Пока ничего нельзя сделать, – проговорил рабочий, видимо, перепутав его с кем-то, – сопло чем-то забито. Спросите у этого уроды, что он туда кинул.

– Я ничего, – прерывисто забормотал несчастный, – ничего не кидал, – по его морщинистым щекам струились слезы, и он безуспешно вытирал их шестипалыми руками. – Пожалуйста, я ничего...

Проводник невольно передернулся от происходящего. Так вот что за тайну скрывал привал, находящийся на отшибе, в безлюдной глубинке. Вот что приносило основной доход хозяину. Вот почему он не стремился завлечь к себе гостей особыми яствами или домашним уютом, не нанимал слуг и не заводил близких отношений.

Можно не сомневаться, в тайну Смута посвящены немногие. Возможно, только громила в плаще мага, поставляющий время от времени новых рабов. Привальщик свою тайну, наверняка, бережёт. За его незаконные делишки ему грозит, по меньшей мере, заключение в темницу на долгие годы. И Смут не испугается испачкать руки в крови, чтобы этого не произошло.

Испугался ли юноша, когда это понял? Наверное. Парня сотрясала дрожь. Сердце бешено колотилось. Даже неожиданная вчерашняя встреча с недоедом не ужаснула его так

сильно. Здесь поступками руководили не инстинкты, а жестокий расчет, жажда богатства и власти. И были это люди, а не звери.

Похоже, зверства творились в привале не первый сезон, потому что запах отчаяния буквально въелся в стены. В первое свое пребывание Олаф ничего здесь не почувствовал просто из-за сильного насморка. Хотя предшественник трехглазого едва ли мучился меньше.

– Как тебя зовут? – спросил юноша.

Его вопрос каждый отнес на свой счет:

– Януш, – ответил ремесленник.

– Угги, – простонал мутант.

У них обоих имелось имя. Почему бы его не назвать, если спрашивают? Наверное, у каждого так же есть мечты и надежды. Только суждено ли им сбыться?

– Я Олаф, – юноша боялся, что не успеет сказать всё, что хотел. – У нас слишком мало времени для объяснений. Я не товарищ Смуту и здесь оказался случайно. Януш, сколько тебе обещали за эту работу?

– Немало, – набычился мужчина, полагая, что спрашивают его не просто так и дальше последует что-то не слишком приятное.

– Могли бы и ещё больше пообещать, – гримаса превратила лицо юноши в злобную маску, – все равно не собирались платить.

– Да, кто ты вообще такой! – Януш вытащил из своих ин-

струментов ключ потяжелее и замахнулся.

Выглядело это грозно, однако в движении читалась неуверенность. Едва ли мастеровой был недоумком, ведь он прекрасно видел, куда его привезли и уже прикинул, наверное, во что вляпался, и как из этого будет выбираться.

– Кто я – к делу не относится! Но воняет тут подсудным делом. – юноша старался говорить как можно доходчивее. – Ты понимаешь ведь, что тебя зароят прямо тут, под этой жижей?

Возникла долгая пауза. За это время Януш успел бы выскочить наверх и дать деру. Или громко крикнуть «Убивают» и привлечь внимание, а потом еще попросить доплату за предупреждение. Или обрушить ключ на нахального мальчишку, чтобы заткнуть ему рот. Олаф буквально читал мысли, рождающиеся в голове работяги. Но Януш ничего этого делать не стал, а лишь медленно кивнул.

– Дальше что?

– Предлагаю объединиться и повязать привальщика и мага. – Юноша заговорил быстрее, время утекало, как вода из дырявого кувшина. – Тогда появится шанс получить награду от Имперского Совета.

Проводник не знал точно, выплачивает ли Имперский Совет награды так же часто, как накладывает наказания, однако ремесленнику аргумент показался весомым. Тот кивнул и опустил руку с тяжелым ключом.

– Нас всего двое. Этот, – Януш пренебрежительно кивнул

на трехглазого, – точно не помощник. А мы, явно, уступаем по силе привальщику и его знакомцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.